

ГЛАВА 1

Хейке Линд из Людей Льда, юноша двадцати лет от роду, о чьем существовании никто из родных даже не догадывался, прибыл на землю предков.

Много лет назад его отца, Сёльве, казнили за колдовство в Южной Европе, с тех пор Хейке всей душой стремился на север, чтобы поселиться в поместье Гростенсхольм, наследником которого по праву являлся.

Проехав с юга на север всю Европу, он, как черт из табакерки, явился к своим шведским родственникам к их немалому удивлению. Он был зачат посредством колдовства, рожден в нечеловеческих муках, широкими плечами убил собственную мать. Его отец презирал и мучил Хейке, и только смерть Сёльве на эшафоте избавила мальчика от страданий и неминуемой смерти.

Отец, не задумавшись, дал ему имя, которое в равной степени могло подойти и девочке, и мальчику. Но, в сочетании с мрачной внешностью, стало синонимом мужественности и могущества.

Хейке привык считать своим уделом одиночество. Был уверен, что так будет всегда.

Его тело было сплошь покрыто шрамами. Их оставил отец, он развлекался тем, что бил и колол острой палкой запертого в клетке рычащего малыша. На теле раны зажили, но на душе кровоточили до сих пор. На долю Хейке выпали страдания, которые трудно постичь человеческим разумом.

Хейке был чужаком в мире людей.

Подъезжая, он еще с гребня горы заметил высокий усадебный дом. Остановился и стал рассматривать. Особняк оказался таким большим и красивым, что Хейке просто не поверил глазам. Неужели это его дом, его законное наследство? Нет, невозможно. Это не дом, а целый замок. А земля! Сколько вокруг земли! Нет, это все же не Гростенсхольм, не его дом.

Хейке обладал причудливой гротескной внешностью. Густые и непослушные, как у тролля, темно-каштановые волосы. Желтые, как пламя костра, глаза, которые сияли и искрились на худом угловатом лице. Большие острые и белые как снег зубы ярко выделялись на смуглом лице. Широкие подвижные ноздри жадно ловили воздух. Довершали портрет острые скулы, впалые щеки и вытянутый подбородок.

У него были чрезмерно широкие и приподнятые плечи, смертоносные для женщин, которые рожали демонов, подобных Хейке.

Проклятие исковеркало его внешность настолько, насколько вообще возможно. Мир знал и других проклятых, но и Тенгель Добрый, и Ульвхедин, и даже Колгрим выглядели не так уродливо. Однако, узнав Хейке ближе, люди видели печальную мудрость и бесконечное сочувствие ко всем, кто страдает.

Желтые кошачьи глаза обзревали окрестности. Внизу простирался приход Гростенсхольм. Где-то здесь был его дом.

Вдалеке виднелась живописная аллея высоких деревьев, ведущая к скромной ферме. Деревья скрючилось от старости, они росли здесь не одну сотню лет.

По всей долине тут и там были разбросаны небольшие усадьбы и фермы...

В центре стояла церковь, а за ней — элегантная и более современная усадьба на берегу озера. Этот дом был не таким большим, как главный, но, тем не менее, красивым.

Усадьба — это, наверное, Элистранд, а там, где деревья, — Липовая аллея.

Но тогда...

Мысли вихрем проносились в голове Хейке. Значит, самое большое здание все же принадлежит ему. Это и есть Гростенсхольм.

Хейке долго сидел на лошади, пытаясь осознать все это. Неужели он, бедняк и ничтожество, у которого нет вообще ничего, станет хозяином всего этого? Полей и лугов, амбаров

и домов по всему приходу? И самого поместья, величественного особняка на холме!

Его мысли блуждали.

В особняке хранилась и его самая заветная собственность: священная сокровищница трав и колдовских артефактов Людей Льда и, самое главное, сосуд Ширы, бутылка из горного хрусталя с водой из источника Горы Четырех ветров. Бутылка спрятана в доме. Хейке намеревался отвезти эту воду в тайную долину Людей Льда и с ее помощью сокрушить Тенгеля Злого — найти его сосуд с темной водой зла и снять проклятие.

Хейке чувствовал, что в этом состоит его предназначение. Он еще не знал, так это или нет, но хотел во что бы то ни стало попробовать.

Он нахмурился. По всей территории владений двигались существа, похожие на муравьев, сновали взад-вперед между конюшнями и домом. Но там никого не должно было быть, потому что им никто не владел и не управлял. Никого не осталось. Кроме маленькой дочери Елизабет... Он приедет туда и там будет видно...

Приход Гростенсхольм... Теперь он дома! Путешествие было долгим, но теперь подошло к концу.

Хейке долго стоял на горе. У него не было четкого плана. Неизбежно придется разговаривать с незнакомцами. Эта мысль пугала. Снова сталкиваться с ненавистью, ужасом и отторжением... К этому Хейке никогда не привыкнет. Когда

люди узнавали его поближе, то принимали, и все становилось хорошо. Однако в долгом пути через Европу, когда приходилось останавливаться на ночлег или наниматься на работу, люди шарахались от него как от черта, из-за суеверия встречали его неприязненно. Приходилось снова и снова рассказывать, кто он такой и почему так выглядит. Хейке устал, смертельно устал объяснять, что он не демон и что у него добрые намерения, и стал избегать деревень, предпочитая леса и равнины. И вот теперь, наконец, достиг своей цели.

Он медленно спускался в долину, не зная, что следует сделать в первую очередь. Но вскоре заметил на дороге старика, который ехал навстречу на телеге. Хейке придержал лошадь и хотел было скрыться в лесу, но передумал. Нужно научиться не прятать лицо, смело встречать всё, что может случиться. Здешним людям придется привыкнуть к нему, и он должен с чего-то начать.

Старик прищурился, чтобы разглядеть странного всадника.

Хейке приготовился к худшему.

— Мир тебе, — начал он.

Но все пошло совсем не так, как он ожидал. Беззубый рот старика задрожал, как и его голос.

— И вам мир... Небеса... Кто это?.. Нет, мне, должно быть, мерещится.

Хейке собирался сказать: «Не бойтесь, я не дьявол», но вдруг заметил надежду в голосе и во взгляде старика.

— Простите, что мерещится?

— Я подумал, что едет старый Паладин. Но этого, конечно, не может быть.

— Паладин?

— Да, Ульвхедин Паладин. Но я не верю в призраков. Он был хорошим человеком.

Хейке улыбнулся и слез с лошади.

— Я не Ульвхедин, но его родственник. Хейке Линд, внук Даниэля, сына Ингрид и Дана Линдов из Людей Льда.

Подбородок старика задрожал сильнее. Он подошел и взял Хейке за руки, в его глазах стояли слезы.

— Внук Даниэля? Юного господина Даниэля? Это правда? О, жаль, что госпожи Ингрид уже нет в живых.

— Да, мне тоже грустно, — ответил Хейке.

— Приятно видеть, что в приходе снова появились Люди Льда. Мы боялись, что их больше нет на свете. Добро пожаловать, молодой господин! Я вижу, вас постигло семейное проклятие?

— Это правда, но я не злой.

— Конечно, вот и старый Паладин тоже таким не был. Ну разве что в самом начале. Мы от него видели только хорошее. Теперь я вижу, что вы не он. На самом деле, вы не так уж похожи.

— Только своим гротескным обличьем, — улыбнулся Хейке, — плечами.

— Да, это так.

— Кто вы? — спросил Хейке.

— Меня зовут Эйрик, — ответил старик, — я служил в Элистранде во времена господина Йона, а также когда там жил господин Ульф, но с госпожой Турой, вот настоящая ведьма была, мы не очень ладили. Теперь, когда я состарился, у меня есть собственный надел.

— Понятно. А кто сейчас живет в Элистранде? Старик посуровел.

— О боже. В приходе все изменилось. С тех пор, как госпожа Ингрид, а следом за ней Вемунд Тарк и его жена, благородная Элизабет, скончались, там поселился чиновник. Он из всех сил делает вид, будто все по закону, но мы-то знаем, что у него рыло в пуху! Он считает, что ферма принадлежит ему. А в Гростенсхольме... — Эйрик понизил голос, — там совсем плохо. Нынешний владелец, важная шишка, присвоил поместье самым наглým образом, об этом шепчется вся деревня. Но Люди Льда так и не заявили свои права. Людей Льда здесь больше нет.

— А теперь я здесь, — сказал Хейке, бросив сердитый взгляд в сторону Гростенсхольма. — Но почему? Вы хотите сказать, что здесь, в Норвегии, нет Людей Льда?

Старик наклонился вперед и прошептал:

— Боюсь, что так. У госпожи Элизабет и ее мужа господина Тарка была дочь, но теперь ее нет. Она пропала.

— Как пропала? Умерла? Уехала? Что вы имеете в виду? — спросил Хейке.

— Не знаю, в последний раз ее видели в лесу на перевале пару лет назад.

И Эйрик указал пальцем на склон огромной горы за Гростенсхольмом.

— А вы можете побольше рассказать мне о здешней жизни? Можно пойти с вами на вашу ферму? Я не хочу показываться в Гростенсхольме и Элистранде раньше времени, надо сначала поподробнее разузнать, что да как, — попросил Хейке.

— Добро пожаловать в мое жилище, — торжественно произнес Эйрик, — но оно скудное и бедное.

Хейке тепло улыбнулся.

— Поверьте, я знаю, что такое бедность. Прежде чем предъявлять права на поместье, я должен выяснить, жива ли дочь Элизабет и Вемунда.

Эйрик просиял:

— Узнаю истинного сына Людей Льда. Сначала люди, а потом имущество! Если вы найдете маленькую госпожу Тарк, то осчастливите всю деревню. Всем очень плохо, когда кто-то вдруг без объяснений пропадает.

— Да, это худшее, что может случиться с человеком, — сказал Хейке, он успел кое-что об этом узнать.

Ее звали Винга в честь Виллему, одной из самых заметных женщин Людей Льда. Она родилась в Элистранде и была его законной наследницей, но не жила там. Никто не знал, где она

скрывается, а сама Винга бдительно оберегала свою тайну. Ей удалось найти убежище на заброшенной ферме на вершине горы. Тенгель и Силье подарили ее Клаусу и Розе двести лет назад. Там никто не жил с тех пор, как их правнучка Элиса вышла замуж за Ульвхедина и переехала в Элистранд. Она пустовала уже почти сто лет.

Дом пришел в упадок, но Винге удалось сделать одну из комнат пригодной для жилья, хотя пришлось изрядно потрудиться — убрать прогнившие стропила и укрепить крышу березовыми стволами, которые Винга срубила найденным в хозяйстве топором, избавиться от сломанной мебели и всякого другого хлама. Но дом неумолимо ветшал, и жизненное пространство сокращалось, поскольку крыша то тут, то там обваливалась и во многих местах протекала.

С едой дело обстояло лучше. Винга прихватила два больших окорока из запасов Элистранда. Завернув в ткань от мух и мышей, подвесила их к потолку. С тех пор они стали заметно меньше. В ночь бегства она забрала с фермы козу. Когда-то та была ее любимым козленком, а теперь жила вместе с Вингой и давала молоко. На зиму девушка заготавливала для неё сено, которое хранила в сарае.

Винга подозревала, что в Элистранде кто-то поселился, но это не были её родственники.

Её родители умерли. До сих пор не верится! Строгий, но добрый отец Вемунд и милая мать Элизабет ее покинули.

Винга сжала кулаки и посмотрела в небо.

— Почему они умерли? Какое зло совершили? И что за болезнь, названия которой никто не знает?

На их похоронах одна женщина, желая утешить, сказала:

— Не грусти, Винга. Твои мать и отец были очень хорошими людьми. И Господь полюбил их так сильно, что захотел поскорее забрать.

Но Винга думала иначе. Считала, что они не были готовы уйти. И она, их дочь, не была готова расстаться с ними. Но Господа это, очевидно, не интересовало. На Вингу и ее жизнь ему было наплевать. Наверное, она недостаточно хороша.

Однажды на ферму явился некий важный господин и заговорил весьма строго.

— Ферма будет конфискована, Винга. Она заложена, а ты не платишь по закладным.

— Я не знала, что должна платить... Я могу продать ячмень...

— Сейчас трудные времена, и у тебя нет ячменя на продажу. Твоему отцу долгие годы приходилось экономить, он занимал деньги, чтобы сводить концы с концами. Так не может продолжаться!

Он посмотрел на нее холодными жадными глазами. Хитрая старая жаба. Звали его господин Снивель, он был каким-то чиновником.

— Но у меня есть работники, они помогут.